

Дуань Юньшэнь уже давно ушёл, а Цзин И всё ещё стоял на месте, глядя на его удаляющуюся фигуру. Его взгляд был настолько сосредоточен, что две служанки, которым поручили сопровождать его, как «горячую картошку», были несколько озадачены.

— Ваше высочество? — робко окликнула одна из них.

Цзин И наконец очнулся, улыбнулся служанкам и, повернувшись, ушёл.

Служанки обменялись недоумёнными взглядами.

Цзин И уверенно направился к выходу из дворца, шагая с такой решимостью, что и речи не могло быть о том, что он заблудился.

За воротами его уже ждала карета князя Цзя. Слуга с фонарём, кучер, а также личная охрана — всё это создавало впечатление тщательно подготовленной встречи.

Цзин И приподнял занавеску кареты и увидел, что внутри уже кто-то сидит.

Этот человек был одет в простую одежду, выглядел молодым, но его внешность была непримечательной. И если бы дело ограничивалось лишь отсутствием привлекательности, это ещё куда ни шло, но его лицо было словно вечно скорчено в гримасе, и весь его вид излучал неудачливость. Даже в шёлках он выглядел так, будто украл их, и от него веяло духом неудачника.

Увидев Цзин И, мужчина произнёс:

— Ваше высочество, почему вы так поздно вернулись? Что-то задержало вас во дворце?

Этого человека звали Чжоу Буюй, он был советником Цзин И.

Цзин И сел в карету, наблюдая, как Чжоу Буюй, разговаривая с ним, торопливо прячет в рукав наполовину съеденную лепёшку.

— Не сказать, что задержало, просто мне стало любопытно, и я задержался немного.

Чжоу Буюй с удивлением спросил:

— Что же во дворце могло вызвать такое любопытство у вашего высочества, что вы вернулись только сейчас? Я бы хотел это услышать.

В голове Цзин И всплыл образ того, кого он только что видел.

— Любимая наложница Сяо Шо.

Чжоу Буюй промолчал, ожидая продолжения.

— Изначально мне было просто любопытно, какой человек смог выжить рядом с таким холодным и безжалостным человеком, как Сяо Шо. Но когда я увидел её...

Чжоу Буюй вовремя вставил:

— Вы были поражены или разочарованы?

— Ни то, ни другое. Я был удивлён.

На лице Цзин И появилось выражение лёгкой ностальгии.

Наложница Юнь была так похожа на того, кого он помнил.

Когда-то Цзин И отказался от роскоши императорской семьи, чтобы пойти в армию. Теперь, когда люди говорят об этом, они называют это великодушием и благородством, отказом от богатства ради защиты страны.

Но для самого Цзин И это была лишь последняя попытка в отчаянии — проиграть, и его тело будет завернуто в конскую попону, а имя забудется; выиграть, и он получит шанс на возвышение и противостояние.

В те дни Цзин И не был любимчиком. Его мать умерла рано, а её семья была из мелких чиновников, которые не могли ему помочь.

Его приёмная мать, великая вдовствующая супруга Сюй, происходила из влиятельной семьи, но она была не слишком умной, завистливой и любила создавать проблемы.

Если Цзин И хотел пробиться, он мог рассчитывать только на себя.

Когда он поступил в армию, он не получил никаких привилегий, а наоборот, из-за своего статуса «нелюбимого никчёмного принца» столкнулся с множеством презрения — льстецы в армии презирали его за то, что он «нелюбимый», а прямолинейные — за то, что он «аристократ».

Его планы ещё не успели воплотиться, когда он попал в бой, был ранен стрелой и, отбившись от армии, чуть не погиб в пустыне.

Тогда он встретил кочевника, который спас ему жизнь.

Тот пас овец, держал несколько волков, которые слушались его, как собаки, и помогали ему в выпасе.

Юноша скитался с ним три месяца, вылечил его раны, а затем они расстались.

На прощание он подарил юноше нефритовую подвеску, сказав, что если тот когда-нибудь встретит их армию, этот нефрит спасёт ему жизнь.

Юноша в ответ подарил ему волчий клык.

— Позже я отправлял людей искать того юношу в тех краях, но так и не нашёл следов.

Чжоу Буюй, услышав это, непринуждённо почесал бровь.

Этот жест сделал его похожим на бедного деревенского учителя, лишённого всякого достоинства.

— Ваше высочество думает, что наложница Юнь — это тот юноша?

— Черты лица и телосложение очень похожи. — Он добавил:

— Но только черты лица и телосложение.

Чжоу Буюй покачал головой:

— Если сходство только в этом, то, думаю, ваше высочество может оставить это дело. Наложница Юнь — принц царства Наньюй, а тот свободный и беспечный юноша, о котором вы говорите, скорее всего, был кочевником. У принца не было бы такой свободы. Вы, должно быть, ошиблись.

Цзин И усмехнулся, но ничего не сказал.

— Ваше высочество, вы ведь изначально пошли к наложнице Юнь не просто из любопытства, верно?

Цзин И не стал скрывать:

— Мой дорогой племянник — какой он человек, мы с вами прекрасно знаем. Я подумал, что наложница Юнь, находясь рядом с ним, не знает его истинной сути, и мне стало её жалко. Я хотел дать ей совет, но, увидев в ней старого знакомого, забыл об этом.

Эти слова были весьма завуалированы.

Переводя на простой язык, это звучало так: «Я слышал, что у моего племянника Цзин Шо появился новый приближённый, и мне это не понравилось, поэтому я решил посеять между ними раздор».

— Ваше высочество, у меня есть вопрос.

— Какой?

— Я восхищаюсь вашим характером, вашей скромностью и великодушием. Даже самых отъявленных бандитов вы готовы дать шанс исправиться. Почему же только с нынешним императором... вы, кажется, не можете смириться?

Цзин И усмехнулся:

— Император, который в первую же ночь после восшествия на престол приказал забить до смерти свою мать, конечно, вызывает у меня отвращение. Говорят, что в ту ночь палками били её два часа, а он стоял рядом и смотрел, как его мать умирает, пока её позвоночник не был раздроблен. На полу образовалась река крови, а его мать, которая сначала кричала и молила о пощаде, в конце концов бездыханно скончалась.

На губах Цзин И появилась холодная улыбка, и в этот момент было видно, что он и Цзин Шо — одной крови.

— Человек, способный на такую жестокость по отношению к собственной матери, разве может любить своих подданных?

Люди разные.

Если бы он сам когда-то имел власть, его мать не умерла бы.

А он, получив власть, первым делом убил свою мать.

Как он может не ненавидеть такого человека?

Тем временем Дуань Юньшэнь уже вернулся в свои покои, и Сяо Гоуцзы перевязывал его руку.

Рана была на ладони, и каждое движение руки причиняло боль. Даже толстая повязка, превратившая его руку в нечто похожее на лапу кота, не могла помешать Дуань Юньшэню продолжать мучить себя. Рана плохо заживала, и кровь с гноем прилипали к бинтам. Каждый раз, когда приходилось снимать внутренний слой повязки, Дуань Юньшэнь кричал от боли.

Сяо Гоуцзы искренне сказал:

— Если вам больно, госпожа, вам следует запомнить это. Пожалуйста, берегите себя и не делайте лишних движений.

Легко говорить.

— Как я могу есть, пить и брать еду, если мне нужно пользоваться рукой? Даже если я позволю тебе обслуживать меня, одевать и кормить, я всё равно должен сам карабкаться в окно, чтобы пойти к... императору за жизнью.

— ... — Сяо Гоуцзы осторожно снимал повязку. — Вы так преданы императору, каждую ночь ходите к нему. Интересно, ценит ли он это.

Дуань Юньшэнь: «Брат, ты, кажется, перепутал сценарий? Почему вдруг такая сентиментальность?»

— Сегодня я услышал, что наш император, хотя и выглядит безумным и никого не ценит, в душе давно имеет свою любовь, просто скрывает это. Видя, как вы стараетесь угодить ему, мне стало...

Дуань Юньшэнь сглотнул. Что за ситуация? Внезапно началась драма дворцовых интриг? Я ещё даже не вышел из начальной стадии!

Он кашлянул, притворяясь, что случайно спрашивает:

— Любовь?

— Да, сегодня я услышал это от служанок.

— Эм, кто?

— Второй сын генерала, господин Хэ Цзюэ.

Как только эти слова прозвучали, с крыши донёлся звук разбивающейся черепицы.

Дуань Юньшэнь и Сяо Гоуцзы одновременно подняли головы.

— Это дворцовые кошки опять на крыше? — удивился Сяо Гоуцзы.

На крыше Хэ Цзюэ, Ворон и Цзин Шо: «...»